

С мечтой о коммунизме

Словно не три десятилетия, а каких-то три дня прошло с того волнующего часа, который мне запомнился навсегда. Горький беседовал с Садриддином Айни. Было это в 1934-м, в дни работы первого Всесоюзного съезда советских писателей. Горький прекрасно разбирался в закономерностях развития таджикской литературы, хорошо знал ее классиков и говорил о том, что надо не только опираться на национальные традиции, но и творчески осваивать опыт братских литератур, лучшие достижения мировой культуры.

— А вы знаете поэзию Владимира Маяковского? — спросил Алексей Максимович.

Устод Айни ответил:

— Я плохо владею русским языком, Маяковского читать мне на русском языке трудно, а переводов еще мало. Но я знаю одно: у Маяковского нашим молодым поэтам нужно учиться патриотизму. Пусть каждый писатель, на каком бы языке он ни писал, помнит, что источником творческого вдохновения являются героические дела народа. Народ должен быть главным героем произведения.

— Вы прекрасно сказали, — заметил Горький.

И помню еще встречи и беседы с Всеволодом Вишневским, помню его яркую темпераментную речь на том же первом Всесоюзном форуме писателей. Это был писатель-боец, художник и оратор, ясно видевший цель свою, знавший друзей и врагов. Он говорил:

«...Пишите о хрустале, о нежности, о любви и прочем. Но при этом никогда не забывайте, что мы должны держать в исправности наше оружие и хорошо знать тот приписной пункт, куда нам надлежит явиться в случае необходимости. Это полезно и необходимо».

Вишневский приезжал к нам в Душанбе, выступал с докладом по вопросам литературы. Я сопровождал его в поездке в Сарай-Камар, к воинам-пограничникам. Всеволод Витальевич был поглощен думами о фильме «Мы из Кронштадта», который снимал режиссер Е. Дзиган. Известно, что тогдашние руководители кино заморозили постановку фильма почти на два года. Но он не унывал. Он утверждал, что нельзя подходить к явлениям искусства с готовыми стандартными мерками, что произведение искусства должно быть пронизано не камерным сюсюканьем, а высоким накалом революционных чувств, остротой социального конфликта.

— Реализм ничего общего не имеет с натурализмом, — говорил Вишневский. — Реализм подразумевает типизацию характеров, если хочешь, предельные обобщения... Писатель должен трудиться с мечтой о коммунизме.

В начале 1936 года я был в гостях у него в Москве, на Арбате. «Мы из Кронштадта» вышли в свое триумфальное шествие по экранам страны и мира. Поздравить Вишневского пришел Александр Довженко. Сидина уже пробивалась в голову, но был он строен, двигался легко и стремительно. Было что-то общее у них — у Вишневского и Довженко: во взгляде, в жестах, подчас в интонациях. А может быть, мне только показалось? Может быть, только подумал я об этом, потому что говорили об искусстве, и мысли и чувства у них были общие.

— Это и поэзия и роман, твой фильм, Всеволод! — восклицал Довженко. — Дай я поцелую тебя — за ум твой, за твою партийность, за страсть твою!..

Не погрешу против истины, если скажу, что именно тогда, присутствуя при встрече двух выдающихся мастеров искусства, понял я, начинающий драматург, как надо писать пьесы, что пьеса, как и любое произведение искусства, требует органического сочетания партийности и мастерства художника! И разве не об этом же вновь напомнил нам Никита Сергеевич Хрущев в своей яркой речи на встрече

руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства в Кремле?

Об этом!

Да, сила, великая сила нашей литературы, нашего искусства — в высокой идейности, в ее партийности и художественном мастерстве! Подлинно большой талант подобен парящему высоко в небе орлу: он видит широко, и эта широта взгляда позволяет ему утверждать действительность в ее непрерывном развитии, во всем том, что радует и возвышает человека. Мелкотемью, копанию на задворках истории в его творчестве места нет. Он пишет с мечтой о коммунизме.

Я снова возвращаюсь мыслью к своей литературной юности. Мы вступали в жизнь, охваченные жаждой приобщиться к всенародному созидательному труду. Мы жадно читали «Мать» Горького и поэму «Владимир Ильич Ленин» Маяковского, «Чапаев» Фурманова, «Разгром» Фадеева, «Как закалялась сталь» Островского, «Железный поток» Серафимовича. Образцами для нас были «Марш свободы» Садриддина Айни и его романы и повести, его глубокая и величавая, как полноводная река, реалистическая проза. Нам сиял «Кремль» Абулькасима Лахути — поэма, которая утверждала революцию великолепными изобразительными средствами.

Доморощенные «теоретики», зеленые юнцы, гонящиеся за модами и сенсациями, пытались очернить писателей старшего поколения и ретроградями их.. консерваторами и ретроградями. На каком основании? За ясность мысли, за образы, органично связанные с мыслью? Или за партийность, за революционную страсть?

Меня эти потуги, эта рекламная шумиха и эти безапелляционные суждения и возмущали и смущали. Возмущали пренебрежением к традициям отцов, к истории, а смущали — полнейшим невежеством, элементарным незнанием традиций и истории. Именно Маяковский был новатором, смело ломавшим поэтические каноны. Именно Вишневский был новатором, смело ломавшим каноны старой драматургии. Именно Довженко был новатором, смело искавшим новые пути в кинематографии.

Но новаторство их исходило из мысли, что «героическая действительность требует героических слов» (Горький), что новая жизнь

народа принесла в искусство новое содержание и оно требует новых форм, новых средств выражения.

А из какой мысли исходят те молодые писатели, поэты и художники, которым вдруг тесен стал метод социалистического реализма? Почему не борцы, а люди раздвоенные, не находящие своего места, стали героями их произведений? Почему нет в их работах активного отношения к теме?

Да просто потому, что не жизнь народа, не подлинные поиски новых форм, которые отражали бы всю красоту и величие народных действий, определяют их работу, а слепое подражание западноевропейским образцам.

Журнал «Вопросы литературы» проводил анкету о развиваемых молодыми традициях. В ответах мелькали имена Хемингуэя, Ремарка, Сэлинджера, но мало кто называл Горького, Маяковского, Николая Островского... Слов нет, Хемингуэй — великий писатель, Ремарк и Сэлинджер — большие таланты, но есть здесь одно «но», о котором не следовало бы забывать. Это «но» заключается в том, что герои Хемингуэя и других писателей живут в ином, качественно отличном обществе, что они протестуют против буржуазной действительности. Творческая учеба никогда ничего общего не имела со слепым копированием. Творческая учеба всегда подразумевала и критический подход.

Говорят, что молодые якобы пытаются отражать изменения, происшедшие после разоблачения культа личности Сталина. Но очень уж однобоко у них это отражение. Видят все они, главным образом, в черном свете, хотя в большинстве своем были тогда грудными младенцами, либо посещали детские ясли и детские сады. В период культа личности я потерял брата — молодого поэта, пострадал сам, был оторван от родных и друзей. Но никогда, ни на одно мгновение не сомневалось мое поколение в партии, в верности идей марксизма-ленинизма.

Гордость за партию переполняет наши сердца, за ее мудрость, за ее смелость, за ее решительность в ликвидации ошибок и последствий культа личности, за светлый путь, по которому она ведет наш народ. И писать хочется о новом счастье на моей древней таджикской земле, о новых ее людях.

Партия — наш вождь, наш друг — открывает перед нами лучезарные горизонты будущего. Она дает нам крылья для дерзновенных полетов. Речь Н. С. Хрущева на встрече с деятелями литературы и искусства в Кремлевском дворце явилась той стартовой площадкой, с которой можно взмыть ввысь. Она дала заряд для дальнейшей работы. Она укрепила меня, да и не одного меня, а всю нашу творческую интеллигенцию в мысли о том, что истинное творческое счастье — в утверждении правды нашей жизни, в создании ярких образов сынов и дочерей народа.

«Мы все живем на средства, созданные народом, и за это обязаны платить народу своим трудом. Каждый как пчела улей, должен пополнять своим вкладом материальные и духовные богатства общества», — сказал Никита Сергеевич Хрущев.

Замечательно сказано!
Гани АБДУЛЛО,
драматург